

Лу Чжаньбай вернулся домой словно в тумане, в его голове набатом звучали рассказы Лю Хао о прошлом Ли Шэнъяня. Не обращая внимания на приветствия слуг и телохранителей, он прошёл в гостиную и обессиленно рухнул на диван. В тишине пустой комнаты он принялся прокручивать в мыслях чужую жизнь, чужие драмы и чужую любовь.

Шэнъянь оказался прав: их жизненные пути никогда не должны были пересечься. Они выросли в совершенно разных мирах. Он сам, Чжаньбай, с пелёнок имел всё, кроме любви — мир не дарил её ему, а сам он не умел испытывать её к другим. Шэнъянь же, не имея ничего, каким-то чудом умудрился сохранить в себе целый океан этого чувства. Иначе откуда бы в нём взялось столько тепла, чтобы так щедро растрачивать его на окружающих?

Судьба Шэнъяня и три его трагических романа открыли Чжаньбаю глаза на истинную любовь, но одновременно обнажили глубокое уродство этого мира. Иначе почему человек, отдававший себя без остатка, в ответ получал лишь удары? Университет вышвырнул его, родители отреклись, женщины предали, а общество заклеило презрением. Почему? Если любовь действительно всесильна, как говорят, то почему она загнала Ли Шэнъяня в этот тупик?

Ответ оказался до банальности прост: реальность безжалостна и строго иерархична. Стоит сойти с наезженной колеи, нарушить неписанные правила, и твои хрупкие мечты мгновенно разобьются вдребезги. Рискнёшь пойти напролом, но попытаешься при этом сберечь чистую душу? Что ж, тогда ты тоже останешься ни с чем.

Чжаньбай внезапно осознал истину — осознал её с высоты своего двадцатилетнего опыта жизни на самой вершине социальной пирамиды. Такой человек, как Ли Шэнъянь, никогда добровольно не примет его. И никогда не добьётся успеха в этом мире. Он слишком добр, слишком мягок, а его принципы незыблемы, словно скалы. Шэнъяню можно завидовать, ведь он сберёг то, что остальные давно растеряли; но его нельзя не жалеть, ведь именно эти сокровища абсолютно бесполезны в бездушной реальности.

Но Чжаньбай отчаянно нуждался в этих сокровищах. Его давно тошнило от собственной пресной, циничной и пустой жизни. Заполучив этот уродливый мир, он ещё сильнее захотел обладать прекрасной душой. Ему была необходима любовь Шэнъяня — та самая любовь, которой его лишили в детстве. Он искал её всю жизнь, ждал годами и вот, наконец, нашёл. Только благодаря этому чувству он сможет дышать полной грудью, сможет по-настоящему жить.

«Никто ведь не хочет умирать, правда?» — разве не так говорил сам Шэнъянь?

«Как заставить его полюбить? — размышлял он. — Обычной взаимности мало — нужно завладеть им без остатка, сделать так, чтобы он принадлежал только мне. Сломать его? Растоптать? Заставить страдать, чтобы он отдал своё сердце от безысходности? Нет, с Шэнъянем этот номер не пройдёт. Купить его чувства взамен своих собственных? Но у меня внутри нет любви, лишь тёмная, всепоглощающая жажда обладания. Остаётся единственный путь: вознести его на самую вершину, помочь расправить крылья. И там, на высоте, показать ему эту реальность, чтобы он сам принёс свою любовь на алтарь нашего союза. Это будет справедливая сделка».

Любил ли он его? Скорее, это было дикое желание обладать его телом и питаться его душевным теплом. Это его право, ведь у него есть сила и власть брать всё, что захочется. И дело вовсе не в его одержимости или капризах. Мир устроен так, что всё ценное нужно отбирать силой — такова хищная природа человека. Нельзя проявлять жалость, нельзя давать слабину, иначе кончишь так же, как Шэнъань — у разбитого корыта.

Шэнъань планировал поужинать вместе с отцом, но опять завертелся на работе и вернулся за полночь. Ли Жэньпу ещё не ложился — он сидел перед мерцающим экраном телевизора, уютно устроившись на диване.

— Пап, почему ещё не спишь? — ласково спросил Шэнъань, снимая обувь. — Что за передачу показывают, раз у тебя сна ни в одном глазу?

— Да какое там телевидение, тебя вот жду, — отозвался Ли Жэньпу и похлопал по дивану рядом с собой. — Мы уже несколько дней толком не разговаривали. Всё в делах да в бегах. На работе совсем завал? Иди, присядь со мной.

— Да, навалилось немного, — Шэнъань на ходу стянул пиджак, перекинул его через спинку стула и опустился на диван. — Готовим крупную поставку, сроки поджимают, так что вся команда на ушах стоит. Как твоё самочувствие? Ничего не болит?

— Нормально всё, сынок, — Ли Жэньпу ласково взъерошил волосы сына и слабо улыбнулся. — Вот только ноги подводить стали. Ноют без конца, особенно когда погода меняется. К дождю, наверное.

— Раз так, побережись надо, — затревожился Шэнъань. — Пожалуйста, не выходи на улицу без лишней надобности. Сейчас сыро, сквозняки холодные, тебе это вредно.

— Да знаю я, сынок, знаю... Только тошно мне тут одному, тоска смертная, — вздохнул старик. — Дома-то я всегда делом был занят, время незаметно летело. А здесь — только ем да сплю, сплю да ем. Тебя целыми днями дома не сыщешь, а с Сяо Ли, девчонкой этой молодой, о чём мне толковать? Скучаю я. По дому скучаю, по тёте твоей, по сестрёнке. По братьям моим скучаю — второму дяде твоему, третьему...

— Может, тогда мне завтра позвонить им? — попытался найти выход Шэнъань. — Пусть тётя с сестрой приедут сюда на время. У мелкой как раз каникулы должны начаться.

— Нет, не нужно, — покачал головой отец. — Лучше я сам на днях домой вернусь. Я ведь слышал, что врач говорил: дома и стены помогают, там я быстрее на ноги встану. Знаю, сынок, что ты отпускать меня не хочешь, да и мне каково от тебя уезжать? Но ты погляди на себя — лица ведь нет от усталости. Работаешь на износ, а тут ещё обо мне заботиться надо, переживать постоянно. Сердце кровью обливается, когда вижу тебя таким выжатым. Дома за

мною тётя присмотрит, там всё родное, привычное — мне и правда лучше станет. Да и тебе полегчает, хоть одной заботой меньше будет. К тому же сегодня твой второй дядя звонил. Сказал, наш старый дом сразу после Праздника весны под снос пустят. Надо ехать, дела улаживать, так что при всём желании остаться не получится.

— Пап... — у Шэнъяня защемило в груди, голос предательски дрогнул. — Прости меня. Это всё из-за моей никчёмности. Я не оправдал твоих надежд, заставил тебя на старости лет терпеть лишения. И даже сейчас не могу просто быть рядом и ухаживать за тобой как положено.

Глаза Шэнъяня обожгло непрошеными слезами. Ли Жэньпу тоже не выдержал. По его морщинистым щекам покатались слёзы. Крепко сжав ладонь сына, он хрипло, прерывисто заговорил:

— Да ладно тебе, сынок... Всё прошло, всё в прошлом. Какому родителю не хочется, чтобы его ребёнок жил в достатке, чтобы человеком стал? Мать твоя рано ушла, ты у меня один остался, единственная веточка на нашем древе. В нашем роду ведь и первые учёные империи были, и министры великие, да даже в самые лихие времена Ли владели землями. Разве мог я не требовать от тебя многого? Я ведь и порол тебя в детстве, и ругал почём зря — всё думал, человеком вырастешь, в люди выбьешься. Но кто ж знал, что одна ошибка сломает всё... Теперь уж что, приходится мириться с тем, что есть. Я ведь человек тёмный, не знал, как правильно детей воспитывать. Взвалил на тебя непосильную ношу, загнал в рамки. А тут ещё смерть твоей младшей тёти... Ты ведь тогда совсем сломался, вот и натворил глупостей со всей этой историей. Сейчас-то я всё понял, сынок, всё осознал. Ты всегда был золотым ребёнком. И сыном самым лучшим. Знаешь, что о тебе соседи здешние говорят? Твердят в один голос: «Шэнъянь — чистейшей души парень, умница, каких свет не видывал. Ему бы на самый верх, ему бы великие дела вершить».

— Отец... — Шэнъянь больше не мог сдерживаться. Он уткнулся лицом в плечо отца, плечи его мелко задрожали от рыданий.

— Ну тише, тише, полно тебе, — Ли Жэньпу ласково гладил сына по голове, пытаясь успокоить. — Не надо сырость разводить, давай лучше о хорошем. Мне сегодня второй дядя звонил, поделился радостью: твой двоюродный брат Ду Чэнь экзамены в военное училище сдал! Сразу после праздников уезжает на учёбу. Парень-то учился средне, в восемнадцать лет в армию ушёл, а гляди — всего два года отслужил, уже сержанта получил, а теперь вот в офицеры метит. Говорят, его там даже к награде представляли за какие-то заслуги. Он хоть и помладше тебя, но вы ведь с детства не разлей вода были. Наконец-то хоть у кого-то из нашей семьи жизнь на лад пошла. Окончит училище, получит хорошее распределение — и перед ним все дороги открыты. Будет на кого опереться.

Эти слова резали Шэнъяня по живому. Отец ведь всегда надеялся именно на него, а теперь вынужден связывать надежды на возрождение былого величия рода с сыном второго дяди. Шэнъянь прекрасно понимал: в глазах отца его нынешнее коммерческое ремесло — всего лишь суэта, несерьёзное, пустое занятие. Старик всегда грезил, что его сын станет чиновником, государственным мужем. В его понимании только служба государству была по-настоящему благородным, почтенным делом, способным смыть позор прошлых лет и прославить предков. Шэнъянь и сам долгие годы упорно шёл по этой тропе, с малых лет развивал в себе лидерские

качества, упорно карабкался вверх... но оступился у самого финиша. Теперь Ду Чэнь выбрал иной, но столь же почётный путь к славе. Разумеется, за племянника стоило порадоваться, но как отцу заглушить тупую, ноющую боль невыправленного разочарования в собственном сыне?

Глядя на осунувшееся, изрезанное морщинами лицо отца, Шэнъань отчаянно заклинал судьбу: если бы только можно было повернуть время вспять! Если бы небо даровало ему ещё один шанс, он бы наизнанку вывернулся, и не подвёл отца. Он пожертвовал бы чем угодно, лишь бы стать тем сыном, о котором старик так мечтал. Ведь отец остался его единственным родным человеком на всей земле. Самым любимым. Человеком, перед которым он виноват больше всего на свете. Какое значение имеют презрение общества, жестокость реальности или предательство тех, кого он любил? Отец дал ему саму жизнь и то единственное, ради чего стоило бороться.

Но время неумолимо. Разве можно вернуть прошлое? Хватит ли у него сил и возможностей всё исправить? Ответ был очевиден: нет. Ему суждено и дальше барахтаться в этой житейской грязи, уворачиваясь от ударов судьбы.

«Прости меня, папа. Прости своего глупого сына. Если есть следующая жизнь, я снова хочу родиться твоим сыном. И тогда я обязательно искуплю все грехи этой жизни».

— Папа, пообещай мне кое-что, — Шэнъань заглянул отцу в глаза, мягко сжав его плечи. — Когда вернёшься домой, береги себя пуще прежнего. Обещай, что будешь следить за здоровьем. Я хочу, чтобы ты жил долго-долго. Ты должен быть со мной всегда.

Он больше не решался давать пустых обещаний вроде «ты ещё будешь мной гордиться». Теперь он молил лишь об одном: чтобы его единственный, самый близкий человек просто жил. Жил без боли, наслаждаясь каждым спокойным днём. Шэнъань разобьётся в лепёшку, но сделает всё, чтобы старик больше ни в чём не нуждался, чтобы старость его не была омрачена одиночеством или нуждой. Даже если ему никогда не оправдать несбыточных отцовских надежд, он продолжит бороться. За них двоих.

<http://bllate.org/book/18227/1756778>